Николаева Елена Викторовна
заместитель директора
МБОУ «СОШ №48»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРТЕКСТА В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»

Аннотация: *в статье представлен интертекстуальный анализ романа Гузель Яхиной «Дети мои». Исследуется специфика функционирования аллюзий и реминисценций, отсылающих к историческим, литературным, мифологическим и искусствоведческим фактам. Выявляется роль данных элементов в формировании структуры произведения, построении системы образов и создании многомерного смыслового пространства романа.*

Ключевые слова: *интертекстуальный анализ, Гузель Яхина, аллюзии, реминисценции, исторические факты, литературные отсылки, мифологические образы, искусствоведческие мотивы, система образов, многомерное смысловое пространство, структура романа.*

В центре сюжета романа «Дети мои» – история жизни российского немца Якоба Баха, учителя в поволжской колонии Гнаденталь. По признанию Г. Яхиной, её целью было осмысление судьбы немецкой автономии на Волге через призму частной жизни «маленького человека» и репрезентация «молчащего поколения» советского периода. Художественное пространство произведения соединяет документальные факты и сказочные мотивы, отражая хронологию существования АССР немцев Поволжья (1918–1941 гг.).

Само название романа представляет собой глубинную историческую аллюзию, отсылающую к манифестам Екатерины II, которая в 1767 году фразой «Дети мои!» приветствовала немецких переселенцев. В тексте этот образ актуализируется в ретроспективной сцене («…Дети мои!» – зычно кричит она…) [7] и трансформируется в символ ушедшей эпохи: медная статуя императрицы демонтируется и переплавляется на детали для советских тракторов. Смена исторических

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

вех маркирована разветвлённой системой интертекстуальных маркеров. В образе «умирающего вождя» угадывается В. И. Ленин через топонимические аллюзии («Топили в Горках щедро…») [7] и упоминание фамилий лечивших его немецких врачей. Фигура И. В. Сталина («Пастух народов») [7] приобретает гротескные, мифологические черты хтонического великана, а его имя концептуально рифмуется со сталью в описании индустриального ландшафта.

Важный пласт исторических аллюзий сосредоточен в «календаре Баха». Персонаж даёт каждому временному отрезку собственное метафорическое наименование, позволяющее читателю идентифицировать исторический контекст. Номинация «…Год Голодных…» [7] прямо указывает на голод в Поволжье 1921–1922 годов, а маркер «…Год Мёртвых Детей…» [7] эксплицирует трагедию массовой детской беспризорности. Анализ обнаруживает в романе и локальные индустриальные аллюзии. Г. Яхина обращается к истории создания первого советского трактора «Карлик», который выпускался в Марксштадте, но вскоре был объявлен «кулацким» и снят с производства. Посредством исторических аллюзий автор формирует достоверную документальную основу художественного нарратива.

Важнейшей доминантой поэтики романа выступает немецкая сказочная традиция, становящаяся текстообразующей основой. Бах конструирует новый советский миф в соавторстве с партийным идеалистом Гофманом, сплавляя фольклорные топосы с социалистической агитацией («Гномы вступают в пионерский отряд», «Пионеры судят лесную ведьму» [7]). Фантасмагорическое восприятие реальности героем деформирует быт: высокая урожайность пшеницы объясняется тем, что под полями гномы куют золото, а пионервожатый Дюрер трансформируется в зловещую фигуру Гаммельнского крысолова. В жизнеописании Клары, возлюбленной Баха, актуализируются мотивы сказки братьев Гримм «Дева Малейн» (заточение в башне), а имя её отца Удо Гримма отсылает к сказочным исполинам. Сказки Баха наделяются демиургической силой («каждая фраза… сбу-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

дется» [7]), отражая крах утопии: изгнание сказочных богачей в его текстах манифестирует начало массового раскулачивания, что актуализирует романтическую концепцию абсолютной власти Слова.

Характеристика Баха как художника углубляется за счёт реминисценций из классической русской литературы. Описание быта героя («…Бах запирался в своей каморке и наспех глотал обед…» [7]) обнаруживает преемственность с гоголевским претекстом из повести «Шинель». При этом характер Якоба Ивановича отмечен амбивалентностью: его иррациональная тяга к стихии («любил бури как морфинист – морфий» [7]) и сцена под грозой содержат прямую реминисценцию из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри», сближая Баха с классическим типом романтического героя. Интертекстуальная связь обнаруживается и с чеховской концепцией «футлярности». Экзистенциальная замкнутость шульмейстера сближает его с Беликовым («Человек в футляре»). Оба персонажа преподают языки, оторванные от практических нужд обывателей (древнегреческий и Hochdeutsch), и для обоих роковой становится встреча с женщиной. Однако Г. Яхина предлагает оригинальную трансформацию архетипа: Бах переживает символическую смерть – афазия заикающегося учителя становится глубокой лингвистической метафорой.

Бессилие «маленького человека» перед лицом фатума эксплицируется через реминисценции из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник». Подобно пушкинскому Евгению, Бах оказывается разлучён с Кларой разбушевавшейся Волгой и вынужден пребывать в парализующем ожидании («…о выходе на Волгу не могло быть и речи» [7]). Напротив, связь с немецкой классической традицией репрезентируется через рецепцию творчества И. В. Гёте, чьи стихи Бах декламирует ученикам и бережно хранит в виде томика всю жизнь.

Другой вектор немецкого романтизма актуализируется в образе рейхсдойча Гофмана, который выступает прямой реминисценцией на заглавного персонажа новеллы Э. Т. А. Гофмана «Крошка Цахес». Данная связь выстраивается на трёх уровнях: гротескное описание телесного уродства (соматический код) при кажущемся прекрасным лице; сюжетный мотив присвоения чужого творчества под

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

псевдонимом «Гобах»; трагическая развязка судеб персонажей, детерминированная их экзистенциальным одиночеством.

Важной составляющей ономастического кода романа выступает антропонимическая игра. Восклицание Гофмана: «Шекспир ты нечёсаный! Шиллер кудлатый!» [7] отсылает к идиоме Ф. М. Достоевского и гоголевскому гротеску из «Невского проспекта». Фамилия главного героя (Бах), как и имена других колонистов (Гауф, Вагнер, Бёлль, Фихте), обнажает трагический диссонанс между монументальностью великих имён немецкой культуры и экзистенциальной уязвимостью их носителей перед тоталитарной государственной машиной в 1941 году. При этом пространственная организация романа (хронотоп) строится на дуализме мира «карликов» и «великанов», обнаруживая двойную реминисценцию из Дж. Свифта («Путешествия Гулливера») и Дж. Р. Р. Толкина («Хоббит»). Пространство Гнаденталя концептуализируется как кукольный Шир или Лилипутия, тогда как противоположный берег с хутором Гримма наделяется признаками сакрального, изолированного хронотопа эльфийского леса.

Центральным мифопоэтическим концептом романа выступает образ Волги, наделённый признаками сакральной реки Леты, разделяющей два онтологических мира. Локальная пословица «Кануть в Волгу – пропасть без вести» [7] манифестирует восприятие реки как хтонической границы. Волга выполняет композиционную функцию, выступая осью, связывающей разрозненные локусы (Гнаденталь, хутор Гримма, интернат им. Розы Люксембург). Внутри этой модели экзистенциальное время жизни Баха и макроисторическое время пересекаются по законам онирического пространства, а точка перехода всегда локализована в реке. В финале Волга обретает масштаб метафизического символа – абсолютной памяти, консервирующей ушедшую советскую эпоху и заявляющей о себе как о подлинном субъекте художественного нарратива.

Трагический финал судьбы Баха разворачивается в преддверии репрессий («Якоб Иванович Бах был арестован в 1938 году…» [7]). Предчувствуя неизбежное, герой упорядочивает пространство хутора ради передачи его под детский

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

дом, что обнаруживает реминисценцию на поэтический текст Арво Метса о последнем усилии ради «гармонии мира». Систематический труд Баха по обустройству дома и сада становится космогоническим актом сопротивления историческому хаосу.

Интертекстуальный ландшафт романа дополняет экфрастический код (аллюзии на изобразительное искусство). Особое место занимает рецепция творчества поволжского художника Якова Вебера: его полотно «Варка арбузного мёда» соотносится с бытовой сценой первой встречи Баха и Гримма, а драматическая картина «Под лёд» находит отражение в сцене убийства Гофмана и эпизодах погребения умерших от голода в проруби. Масштабные пейзажи романа обнаруживают визуальные параллели с зимней графикой Питера Брейгеля-старшего, сквозь оптику которого автор передаёт трагедию опустошённого пространства Поволжья. В то же время панорамные сцены Гражданской войны отсылают к суровой экспрессии полотен К. С. Петрова-Водкина, где столкновение исторических сил эстетизируется как абстрактное художественное полотно, переводя региональную трагедию к универсальным архетипам мирового искусства.

Заключение. Выявленные в романе аллюзии и реминисценции свидетельствуют о глубоком знании писателем исторических реалий, мифологии, текстов отечественной и зарубежной литературы и шедевров живописи. Данные элементы составляют основу авторского повествования на всех уровнях организации текста. Сложный интертекстуальный организм, сочетающий «чужой» текст, живописную оптику и исторические реалии, вовлекает читателя в процесс сотворчества, превращая чтение в процесс активного декодирования смыслов и узнавания прецедентных феноменов.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : КомКнига, 2006. – 144 с.

2. Гоголь, Н. В. Избранные сочинения / Н. В. Гоголь. – Москва : Художественная литература, 1987. – 703 с.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

3. Гофман, Э. Т. А. Крошка Цахес, по прозванию Циннобер : сказка / Э.Т.А. Гофман / Э. Т. Гофман. – Москва : Художественная литература, 1987. – 128 с.

4. Лермонтов, М. Ю. Избранные сочинения / М. Ю. Лермонтов. – Москва : Художественная литература, 1987. – 623 с.

5. Пушкин, А. С. Избранные сочинения / А. С. Пушкин. – Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1946. – 254 с.

6. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для вузов / В. Е. Хализев. – Москва : Высш. школа, 1999. – 400 с.

7. Яхина, Г. Ш. Дети мои : роман / Г. Ш. Яхина. – Москва : АСТ, 2018. – 496 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)